

Юлия Зеликова

Женщины в благотворительных организациях

Петербург: мотивация участия

Введение

Процесс трансформации российского общества сопровождается изменением роли государства, граждан и ростом гражданских инициатив. В период экономического кризиса и политических изменений обостряются старые и появляются новые социальные проблемы, такие как рост преступности и безработицы, бедность, детская беспризорность и пр. Государственная система социальной защиты оказывается неспособной решать комплекс существующих и возникающих проблем.

Вне административно-государственных структур социальной защиты возникают новые гражданские инициативы, которые направлены на решение социально-защитных проблем. Эти гражданские инициативы и являются благотворительными организациями.

Под благотворительной организацией в данном случае понимается некоммерческая негосударственная организация, которая осуществляет свою деятельность в целях социальной защиты нуждающихся групп населения.

В 1993 году автором статьи было проведено исследование, посвященное проблемам формирования и функционирования благотворительных организаций Санкт-Петербурга. Это исследование имело целью описать благотворительный сектор Петербурга и проанализировать взаимоотношения благотворительных организаций с коммерческим и государственным секторами. Проведенный анализ показал, что доля женщин в таких организациях составляет примерно 80%.

Именно в связи с этим особый интерес представляет выявление причин активности женщин в благотворительности. Проблема активности женщин, на наш взгляд, должна быть проанализирована в социально-политическом и социально-историческом контекстах. Участие женщин определяется (1) особенностями советской гендерной социализации; (2) проблемами быстрых социальных изменений; (3) спецификой понимания благотворительности в России (в том числе и ее гендерного измерения).

В данной статье представлены результаты исследования “Женщины в благотворительных организациях России (на примере Санкт-Петербурга)”. Целями исследования было определение основных мотивов участия женщин в благотворительных организациях, а также факторов, препятствующих этому участию.

Для анализа участия в благотворительных организациях и изучения его гендерного аспекта мы поставили следующие вопросы: Какие культурно-исторические традиции женского участия в благотворительности дореволюционной России возрождаются в настоящее время? Как трансформировалось отношение к благотворительности в советское и постсоветское время? Какие роли выполняют женщины в благотворительных организациях? Каковы мотивы участия женщин и какие существуют барьеры, препятствующие их участию?

Женщины и благотворительность в дореволюционной России и в Петербурге.

Данная проблема исследована нами по исторической литературе, а также по специальным исследованиям женского участия в благотворительности в России (Liborakina 1995, Almedingen 1964).

До революции в России благотворительность считалась уважаемым занятием. Существовало несколько наиболее распространенных видов благотворительности: религиозный, аристократический и светский. В настоящее время можно говорить о попытке восстановить культурную преемственность в благотворительной деятельности. Имена ярких представительниц дореволюционной благотворительности выполняют важную символическую и консолидирующую роль.

В России XVIII - начала XX веков благотворительность была связана с Русской православной церковью. Исследователи женского участия в благотворительной деятельности (Любовь Мюллер, Адель Линденмейер) отмечали, что церковь всегда поощряла людей, подающих милостыню, но для глубоко набожных и благочестивых женщин подача милостыни считалась недостаточной. Церковь предлагала специфическую модель женской набожности: “Женщина связывает свою жизнь и свое счастье с тем, чтобы помогать другим людям. Участие женщин в благотворительности, особенно если они принадлежали к высшему слою общества, измерялось не тем, сколько они пожертвовали средств на благотворительность, а тем, сколько времени они потратили на заботу об обездоленных, на распределение лекарств, на личные визиты к бедным и больным.” (Пистольков 1910: 4).

Благотворительницы представлялись церковью как образцы женской благочестивости и добродетели. Диапазон благочестия и самопожертвования в православной идеологии был чрезвычайно широким: от полного самоотречения “святых мучеников”, готовых к отказу от всего “своего” во имя ближнего, до разовых материальных дотаций. Различные виды благотворительности воссоздаются в современной России. Мы выделяем религиозную, аристократическую и светскую благотворительность. Рассмотрим каждый из этих видов подробнее.

Религиозный вид благотворительности

Ксения Блаженная, жившая в Петербурге во второй половине XVIII века, стала символом женской благочестивости, набожности и благотворительности. После смерти мужа Ксения раздала все свое имущество бедным, и, взяв на себя роль святой юродивой, в поношенной одежде умершего мужа ходила по бедным кварталам города, утешала страждущих, помогала нуждающимся, молилась за всех. Люди верили, что Ксения страдает за них, верили в ее способность предсказывать будущее, относились к ней как к святой. После ее смерти в ее честь была построена часовня (Поселянин 1905). Тип благотворительности, символически связанный с Ксенией Блаженной, можно определить как религиозный.

Образ Ксении Блаженной до сих пор очень популярен в Петербурге. В городе существует благотворительный фонд ее имени. Она часто упоминается в наших интервью. Так, например, одна из респонденток рассказывает:

“Конечно, я не Ксения Блаженная, я не способна на такие жертвы, но мне так хочется что-нибудь сделать для этих несчастных бездомных. Я провожу в этом фонде почти все свое время, я уже не могу жить без этого подвала.”
(Библиотекарь, 45 лет)

Религиозность является одним из важных идеологических оснований для благотворительности. Из интервью видно, что в семьях респонденток было принято давать милостыню нищим у церкви. В настоящее время верующие женщины, как правило, работают в благотворительных организациях религиозной направленности, например, в Армии Спасения, Обществе Петра и Павла, Фонде им. Ксении Блаженной т.д.

Аристократический вид благотворительности

В дореволюционной России, начиная с конца XVIII века, благотворительность патронировалась членами императорской фамилии. По инициативе и под патронажем Екатерины II был образован Институт благородных девиц (Смольный институт). На средства императрицы Марии Федоровны, которая возглавляла благотворительное ведомство в России, в Петербурге была создана и до сих пор существует Мариинская больница. Как реплика этого вида благотворительности в 1990е годы в России появляются фонды и организации, патронируемые официальными лицами и членами их семей. Так, в 1995 году в Петербурге женой бывшего мэра города был организован Мариинский фонд.

Еще одним примером *аристократической благотворительности* является деятельность урожденной немецкой принцессы Елизаветы Федоровны, сестры императрицы Александры Федоровны, жены дяди последнего русского царя и генерал-губернатора Москвы (1864-1918). После гибели мужа от бомбы террориста в 1905 году, Елизавета Федоровна продала все свое имущество и направила полученные средства на создание приютов и госпиталей. Изучив работу различных западных женских религиозных обществ, она решила создать свое собственное, направленное исключительно на помощь больным и бедным. Это общество просуществовало до 1918 года, в нем состояло 70 сестер. Сестры отбирались по конкурсу из большого числа заявок после специальной аттестации, что свидетельствовало о большой популярности такой модели женской благочестивости, не требовавшей отказа от светской жизни (Almedingen 1964).

Другой важной символической фигурой женской благотворительности стала Мария Дондукова-Корсакова, жившая в Петербурге в XIX веке. Дочь богатых родителей аристократического происхождения, она отказалась от вступления в брак и жизни в высшем обществе. Мария Дондукова занималась благотворительностью всю жизнь, начиная с ранней юности: работала в больницах и приютах, помогала бедным. Она стала основательницей женской религиозной общины и ряда благотворительных институтов. Мария Дондукова была для современников воплощением бескорыстного служения людям.

Данный вид благотворительности - аристократический. Это деятельность женщин из высшего общества, которые имели возможность создавать благотворительные институты и попечительствовать над ними.

Сегодня мы можем говорить о возрождении, хотя и в ином виде, данного типа благотворительности. В современной России есть примеры благотворительной деятельности жен высокопоставленных государственных лиц. Например, жена бывшего мэра Санкт-Петербурга Л. Б. Нарусова возглавляет благотворительный фонд “Дети Петра”, она же была инициатором создания первой в России благотворительной больницы “Хоспис” для неизлечимых больных. В отделении “Общества Хоспис” в Москве работала жена бывшего первого вице-премьера России А. Б. Чубайса.

В православной благотворительной традиции женщины, решившие полностью посвятить себя помощи обездоленным, не обязаны были отказываться от светской или семейной жизни. Но, как правило, активно заниматься данной деятельностью они начинали либо в зрелом возрасте, либо, овдовев. Анализ состава участников современных благотворительных организаций также показывает, что возраст большинства женщин, работающих в этих организациях, составляет 40-45 лет.

Светская благотворительность

Третий вид - светская благотворительность. Впервые она оформляется как особый вид деятельности в среде ссыльных декабристов в Сибири. Декабристки учили грамоте местных крестьян, ухаживали за больными, помогали врачам в больницах. Жены декабристов имели огромный моральный авторитет в образованных слоях российского общества. Их опыт получил большой резонанс и оказал большое влияние, в том числе, и на следующее поколение русских женщин (Гордин 1989).

После александровских реформ и реабилитации декабристов, с первой волной женского движения в России впервые появились светские благотворительные организации. Одним из первых было учреждено общество "Красный Крест". К началу XX-го века в России действовало 97 отделений "Красного Креста", где женщины обучались работе сестер милосердия. Если не считать крошечной пенсии после 25-ти лет службы, более чем 3000 сестер милосердия служили в 1904 году, не получая платы за свой труд (Гогель 1913: 390). Отделение "Красного Креста" в Петербурге существует и в настоящее время.

Еще одной формой светской благотворительности стало создание трудовых артелей, как правило, швейных, для бедных девушек. Эта форма стала особенно популярна после выхода в свет романа Чернышевского "Что делать?" (Водовозова 1987). Хозяйки таких артелей выкупали девушек из публичных домов, предоставляли им жилье, еду и обеспечивали работой, например, заказами на пошив одежды. Ни одна из этих артелей не просуществовала долго, но подобный опыт также вызывает интерес наших современниц. В Петербурге существует христианский девичий приют, директор которого принимает девочек, сбегавших из дома и из интернатов, часто малолетних проституток. В этом приюте заботятся о них, обучают рукоделию и другим трудовым навыкам.

Когда женщины в дореволюционной России решали посвятить свою жизнь помощи нуждающимся, они имели для этого разные возможности. Организационная инфраструктура общества и их собственные материальные ресурсы открывали путь к участию в благотворительности. Женщины могли принять участие в деятельности уже существующей религиозной общины или благотворительного общества; создать религиозную общину, благотворительный институт или попечительство над такими организациями.

В исследовании "Женщины в благотворительных организациях в современной России: мотивация участия" была выдвинута гипотеза о том, что мотивы и традиции благотворительности дореволюционной России влияют на мотивацию участия современных благотворителей. Подтверждение данной гипотезы мы получили во многих интервью. Многие респонденты ссылались на значимость для них традиций русской благотворительности и православной церкви. Для процесса идентификации участников благотворительной деятельности сегодня важен поиск культурных традиций, важен тот факт, что в русской истории существовала определенная культура благотворительности.

Русская православная церковь, пытаясь восстановить свое влияние на духовную жизнь общества, в настоящее время покровительствуют некоторым благотворительным организациям, также ссылаясь на дореволюционные традиции.

Благотворительность и благотворительные организации в современной России

Для выявления мотивов и специфики женской благотворительной деятельности важно определить происхождение и состояние благотворительного сектора в современной России.

В настоящее время возрождается понятие благотворительности, негативно оцениваемое в советское время. Так, в Большой Советской Энциклопедии благотворительность определялась как "помощь, лицемерно оказываемая представителями господствующих классов эксплуататорского общества некоторой части неимущего населения". "При социализме благотворительность не нужна, - указывалось в энциклопедии, - поскольку в обществе уничтожены нужда и нищета" (Большая Советская Энциклопедия, т.5: 278).

В 1987 году Даниил Гранин впервые публично поставил вопрос о возрождении понятий милосердия и благотворительности как важных культурных явлений.

С 1989 года на улицах крупных городов России впервые за послевоенное время открыто появились нищие, просящие подаяние. Их появление было вызвано ухудшением экономической ситуации в стране, появлением беженцев из районов межнациональных конфликтов и ослаблением государственного контроля. В средствах массовой информации развернулась дискуссия об отношении к этому новому для России явлению. Одни призывали к

милосердию, к оказанию масштабной помощи нищим, другие утверждали, что данная категория граждан является преступной, и в отношении к ним должны быть приняты соответствующие насильственные меры. Таким образом понятие благотворительности (и нищенства) стало частью публичного дискурса и было восстановлено в повседневной речи.

Именно с появлением термина “благотворительность” в публичном дискурсе можно говорить о начале институционализации благотворительности в 90-х годах. Важным фактором этого процесса стало широкомасштабное поступление в Россию гуманитарной помощи из-за границы. Первые благотворительные организации видели свою цель в том, чтобы справедливо распределить эту помощь среди нуждающихся.

Отношение к такой деятельности, со стороны общественного мнения было противоречивым. Лидеров организаций упрекали в присвоении гуманитарной помощи. В прессе появились сообщения о продаже гуманитарной помощи и присвоении денег благотворительными организациями, а также о попытках перевоза вместе с гуманитарной помощью, не подлежащей таможенному досмотру, контрабандных грузов.

После того, как гуманитарная помощь перестала поступать в Россию в крупных размерах, благотворительные организации начали искать другие источники финансирования. При этом они стали не просто распределять ресурсы среди своих клиентов, но и создавали собственные программы поддержки отдельных категорий населения.

Одновременно в России возникают благотворительные фонды, деятельность которых заключается в аккумуляции средств и распределении их для решения конкретных социальных проблем.

С деятельностью благотворительных фондов было связано много конфликтов, которые получили широкую огласку в средствах массовой информации. Чаще всего такие конфликты возникали по поводу использования полученных фондом средств в коммерческих целях.

В общественном мнении сложилось двойственное отношение к благотворительным организациям и благотворительности в целом. С одной стороны, в средствах массовой информации подчеркивалась важность этого сектора общества как элемента гражданского общества и фактора политической стабильности. С другой стороны, многочисленные нарушения, связанные с деятельностью благотворительных организаций, создавали в массовом сознании отношение к благотворительности как к криминальной сфере, как к способу “отмывания грязных денег”. Такая амбивалентность по отношению к благотворительности является барьером для участия в благотворительных организациях. Его можно проиллюстрировать цитатой из интервью:

“Я сотрудничала одно время с благотворительным фондом, но я не стала там работать постоянно. Мне не нравятся люди, которые в нем работают. Я видела, как они все лучшее из гуманитарной помощи берут себе, хотя не имеют на это право. Зачем мне там работать? Подумают, что я такая же.”
(Художник, 43 года)

Всего в Санкт-Петербурге на конец 1994 года зарегистрировано более 3200 инициативных общественных объединений граждан. Из них свыше 300 в той или иной степени занимается благотворительной деятельностью в сфере социальной защиты населения.

В ходе анализа были выделены несколько групп благотворительных организаций Петербурга, которые распределились следующим образом: на первом месте - организации, ориентированные на помощь малообеспеченным и инвалидам; на втором месте - ориентированные на помощь детям и многодетным семьям; на третьем - женские группы самопомощи и защиты прав женщин.

По социальному составу штатные сотрудники благотворительных организаций Петербурга принадлежат к технической и гуманитарной интеллигенции. В большинстве случаев участвующие в благотворительности не имеют опыта работы в советских организациях социальной защиты. Средний возраст активистов - около 40-50 лет, 80 % из них - женщины.

Активность женщин в благотворительных организациях очень велика. Они являются их организаторами, лидерами, штатными сотрудниками и активистами, представляют собой добровольный неоплачиваемый актив волонтеров.

Важно подчеркнуть специфику формирования благотворительного сектора в современной России. В развитых демократических обществах благотворительные организации являются частью “третьего сектора”. Само название “третий” говорит о том, что этот сектор существует в обществе наравне с коммерческим и государственным секторами. Формирование третьего сектора в развитых капиталистических странах происходило в условиях уже сложившегося рыночного хозяйства. В мировой практике совокупность организаций третьего сектора представляет

собой особую подсистему общества, находящуюся между рынком и государством, которая выполняет в нем специфические функции (Anheier 1994).

В России формирование третьего сектора происходит в условиях политической и экономической нестабильности, когда ни рынок, ни новая государственная система еще не сформированы. При обсуждении проблем формирования и функционирования благотворительных организаций в современной России следует учитывать следующие особенности современной российской ситуации:

Культурные. Формирование независимого сектора, действующего в сфере благотворительности происходит в условиях, когда в обществе нет адекватных представлений о специфике некоммерческих организаций. В общественном мнении отсутствует доверие к благотворительности в целом.

Юридические. До последнего времени в России не существовало механизмов финансового и налогового регулирования, учитывающих социальную значимость и специфику общественных субъектов подобного рода. Организации третьего сектора вынуждены были действовать по экономическим и юридическим правилам, сформированным для коммерческих структур. Кроме того, недостаточно проработанное законодательство о благотворительности и некоммерческих организациях, а также отсутствие механизмов финансового и налогового регулирования их деятельности позволяет благотворительным организациям заниматься противозаконной деятельностью.

Многочисленные нарушения в деятельности благотворительных организаций связаны и с полным отсутствием контроля как со стороны соответствующих служб, так и со стороны самих членов таких обществ.

Тем, кто работает в благотворительных организациях, приходится сталкиваться с непроработанным законодательством, ограниченными материальными возможностями, недоверием к своей деятельности. Кроме того, благотворительная деятельность не является престижной в современной России. Это фактор очень существенен для тех, кто прямо не заинтересован в результатах деятельности благотворительной организации, но хотел бы в ней работать. Так, например, жен “новых русских” благотворительная работа привлекает своими гуманными целями, но отталкивает недостаточной престижностью.

Приведем фрагмент интервью:

“Вы выйдите на улицу и спросите, что такое благотворительность. Вам ответят, что это - “отмывание грязных денег”, или “раздача старой одежды нищим”. “Моя мама, например, вначале считала мою деятельность проявлением чуть ли не психической ненормальности. Она так мне и говорила: “Ты больна, и должна скрывать свою болезнь от окружающих.” (35 лет, учитель)

Мы предполагаем, что участие в благотворительности наталкивается на более сильные психологические барьеры, чем участие в политических партиях, экологических, культурных и других организациях. Эти барьеры связаны прежде всего с имиджем благотворительности в современной России.

Интересным аспектом развития благотворительности в Петербурге является роль таких организаций в ресоциализации лиц, которые ранее были объектами административного и уголовного преследования. Так, около 5% организаций сосредотачивают свои усилия на помощи больным алкоголизмом, наркоманией, бездомным, а также на поддержке лиц, возвращающихся из мест заключения.

Этот факт говорит о том, что, по сравнению с государственной системой социальной защиты, появляющийся сектор благотворительных организаций имеет другие ценности и приоритеты. Если субъектом государственной системы социальной защиты, в первую очередь, являлись те, кто имеет больше заслуг перед государством, то субъектом благотворительных организаций являются те, кто в данный момент испытывают потребность в социальной защите, независимо от предыдущих успехов, заслуг и наград.

Перейдем теперь к анализу участия женщин в благотворительности. Советская гендерная социализация стала тем культурным фоном, который сделал возможным социальную активность женщин вообще и их активность в благотворительности, в частности. Рассмотрим эту группу факторов несколько подробнее.

Некоторые особенности гендерной социализации в современной России

Особенности гендерной системы в России привели к тому, что, с одной стороны, женщина испытывала двойную нагрузку, но с другой стороны, имела личную независимость. Двойственная оценка положения женщины (дискриминация в публичной сфере, эмансипация и доминирование в приватной) присутствует и в представлениях

женщин о самих себе. С одной стороны, они осознают свою эмансипированность и не хотят ее потерять. С другой стороны, страдают от той двойной нагрузки, которую постоянно испытывают.

Радикальные изменения в России приводят к изменению положения женщин. Меняется их экономическое положение, политические возможности и выполняемые роли.

В современной России наблюдается попытка женщин уйти от “старой” роли *советской женщины*. Часто в интервью наших респонденток встречается такое мнение:

“Разве я женщина? Я загнанная лошадь. Я только и бегу между работой, магазином и домом. Система нас изуродовала, а мужиков мы сами избаловали. С этим надо что-то делать”.

Или еще одно высказывание:

“Я не хочу, чтобы моя дочь повторила мой путь. Я не хочу, чтобы она была типичной советской женщиной. Я постараюсь дать ей другое воспитание”.

Кризис гендерной идентичности, который связан с мотивацией женского участия в общественных организациях, можно проиллюстрировать на примере двух типичных установок.

1. В настоящее время многие женщины считают, что им биологически присуща роль матери, жены, хозяйки (эссенциалистская роль). Они хотят отказаться от роли работающей женщины. Однако, ограничив свою жизнь приватной сферой, начинают чувствовать себя неполноценными, испытывать потребность в реализации себя в публичной сфере.

“Мне стыдно признаваться, что я домохозяйка. Когда меня спрашивают о том, кто я, я говорю, что я врач, хотя я уже 5 лет не работаю.” (33 года)

Профессиональная реализация женщин, преимущественно ориентированных на семью, очень затруднена в современных условиях. Для того, чтобы сделать карьеру в условиях обострившейся конкуренции, необходимо посвящать большую часть времени работе. Для таких женщин привлекательна работа в общественных организациях, которая позволяет, с одной стороны, активно участвовать в публичной сфере и не чувствовать себя изолированной, а, с другой стороны, позволяет иметь достаточно свободного времени в приватной сфере.

Гендерная идентичность, основанная на эссенциалистской идеологии женского предназначения и желании реализовать себя в общественной жизни, становится важным фактором мотивации участия в тех общественных организациях, которые строятся на традиционном понимании женской роли, в частности, роли матери.

2. Другая позиция заключается в том, что женщина должна отказаться от традиционной роли в семье и в обществе. Гендерная идентичность, основанная на отказе - явном или скрытом - от традиционной роли, может стать идейным мотивом участия в разнообразных женских организациях (группы помощи, профессиональные организации, и др.).

“Я стала себя гораздо больше уважать с тех пор как я работаю в этой организации. Чем я могла гордиться раньше? Что я ребенка родила и воспитала? Так это, в принципе, каждый может сделать. Что я университет закончила? Так таких тоже полно. Для меня очень важно осознавать, что я нужна людям, что я делаю полезное дело, первый раз в жизни.” (Филолог, 40 лет)

Поиск гендерной идентичности является культурно-психологической составляющей участия женщин в деятельности общественных организаций. Потребность человека испытывать чувство идентичности является источником наиболее сильных стремлений (Фромм 1995).

Мотивы участия женщин в благотворительных организациях в современной России

В ходе исследования для выяснения мотивов участия женщин в благотворительности автором было проведено 20 глубоких интервью с участницами благотворительных организаций.

По результатам исследования, возраст большинства женщин, занятых в этом секторе, больше 40 лет. В возрасте так называемого кризиса середины жизни, многие люди начинают задумываться над экзистенциальными проблемами, проблемами связанными с поиском смысла жизни, со смертью. В этом возрасте некоторых людей начинает

привлекать не денежная и престижная работа, а осмысленная деятельность, позволяющая делать добро, чтобы оставить о себе хорошую память.

После 40 лет заметно меняется положение женщин в обществе: дети выросли, семья часто распадается, труднее найти работу на рынке труда. Кризис середины жизни усугубляется в современной России тем, что именно женщины этого возраста, особенно высокообразованные, чаще всего оказываются безработными.

Можно выделить несколько категорий женщин, которые находят сферу приложения своих сил в возникающем секторе негосударственных некоммерческих организаций.

1) Женщины, которые *лично заинтересованы* в решении социальных проблем.

Из интервью:

“Когда мой ребенок попал под машину и находился в коме, а дома у меня было еще два маленьких ребенка, я бегала по разным инстанциям, но мне никто не хотел помочь. Тогда я поняла, что в нашем районе необходим реабилитационный центр для таких детей, как мой.” (Врач, 42 года)

2) Женщины *со значительным трудовым стажем, ставшие безработными*.

Из интервью:

“Я узнала об этом фонде случайно. Мои знакомые сказали, что здесь можно получить гуманитарную помощь. Я была без работы в то время. Мне предложили помочь распределять помощь, и я согласилась. Подумала, что все лучше, чем дома сидеть.” (Пенсионерка, 57 лет)

3) Женщины, *ориентированные на карьеру, но не сумевшие реализовать себя профессионально*.

Из интервью:

“...У меня здесь есть возможность для работы. Пусть эти женщины ничего не понимают в искусстве, им надо все объяснять, учить, их надо контролировать все время, но, идеи-то здесь все мои. Я понимаю, что денег с ними не заработаешь, но мне хочется реализоваться, ведь, слава богу, мне уже 40 лет.” (Художник, 40 лет)

4) *Жены “новых богатых”, имеющие высшее образование*.

Одна из респонденток рассказывает:

“Я не работаю, потому, что в моем положении это не имеет смысла: мне не найти интересную творческую работу, а деньги мне не нужны. Но я очень хочу иметь какую-то жизнь вне дома. Если бы мне порекомендовали хорошую честную благотворительную организацию, я бы с удовольствием там работала.” (35 лет)

Как показывает исследование, возможны различные объяснительные модели участия женщин в благотворительных организациях. Они соответствуют разным вариантам самореализации женщин, разным ролям женщин в организациях, разным проблемам, стоящим перед ними, и разному типу организаций. На практике часто действует мотивационный комплекс, ориентирующий женщину на участие в работе благотворительной организации. Однако, можно выделить следующие основные типы мотивов участия.

Депривационный мотив. Основа участия - разные формы депривации, то есть неудовлетворенности, обусловленной расхождением экспектаций личности и возможностями их осуществления. Так, например, женщина, оставшись без мужа, или с больным ребенком, чувствует себя пострадавшей и становится участницей общественной организации, оказывающей помощь и социальную защиту неполным семьям или детям-инвалидам.

Теоретически выделяют абсолютную и относительную депривацию. Абсолютная депривация представляет собой объективное фиксируемое ухудшение положения, оцениваемое в показателях уровня жизни, материального

благополучия, здоровья, криминогенности обстановки и пр. Приведенная ниже цитата из интервью иллюстрирует мотивирующую силу абсолютной депривации:

“...Когда муж погиб, я осталась с двумя детьми, причем один из них - тяжело больной, из-за которого я не могла работать. Тогда я поняла, что одной мне просто не справиться. И тогда возникла эта идея: объединиться семьям, у которых такие же тяжелые дети, которые не могут в одиночку вырастить их. А государству было не до этих детей.” (Врач, 42 года)

Относительная депривация - психологическое состояние, связанное со сравнением нынешней ситуации с какой-либо моделью (с положением представителей референтной группы, положением лидера собственной группы, со своим прошлым опытом) (Здравомыслова 1992). Этот мотив чаще всего встречается у женщин, потерявших работу.

Для объяснения женского участия в благотворительности важно выявить типичные варианты женской депривации, обусловленной женскими практиками и ролями в современном российском обществе. Рассмотрим эти роли:

- *роль матери*

Из интервью:

“...Мы создали наше общество, которое помогало бы семьям, в которых есть больные дети, и мать не может из-за этого работать. Мы хотели организовать медицинскую помощь детям, малокомплектную школу, материальную помощь семьям. Государству было не до этих детей.” (47 лет)

- *роль жены (вдовы)*. Так, например, Ассоциация вдов “Валита” создана самими вдовами для самопомощи. Они нашли эффективные способы и для того, чтобы самим зарабатывать деньги, и для того, чтобы решать свои психологические проблемы;

- *роль работавшей и потерявшей работу*

Из интервью:

“После того, как меня уволили с работы, у меня не было желания искать другую. Мне не хотелось больше работать в советском учреждении. И вдруг, я познакомилась с человеком, который мне предложил работать в благотворительном фонде. Я решила попробовать и не жалею.” (Инженер, 50 лет)

- *роль пенсионерки, сохранившей силы для работы и желание быть социально полезной:*

“Сначала, я пришла в эту организацию за помощью. У меня была проблема с сыном. Мне так понравились люди, которые здесь работают. Я пенсионерка, с мужем развелась, сын женился и живет самостоятельно, внуков у меня пока нет, а я привыкла работать, быть полезной, и мне очень нравится то, что делают в этой организации. Я предложила им свою помощь. Теперь я очень довольна.” (58 лет)

Депривация, однако, не является ни необходимым, ни достаточным мотивом участия. Это лишь один из возможных мотивов, который, однако, встречается чрезвычайно часто в благотворительных организациях специфического типа, а именно, в организациях самопомощи. Иными словами, в данном случае участие в работе благотворительной организации соответствует личным интересам женщин, а также решению проблем, которые она считает своими личными.

Ценностный или идейный мотив. В этом случае участие в работе организации обусловлено приверженностью участницы целям-ценностям, провозглашаемым организацией, реализацией представления о женском предназначении или борьбой за возможность исполнения соответствующей роли. Так, в организациях материнской (эссенциалистской) и феминистской направленности лидерами являются, как правило, женщины с выраженным идейным мотивом. Например, лидер организации родителей-попечителей объясняет свое участие следующим образом:

“Усыновление нашего первого ребенка подтолкнуло нас к мысли, что вся эта система усыновления и попечительства, во-первых, полностью коррумпирована, во-вторых, безумно жестока, в-третьих, что она специально создана такой. И мы поняли, что требуется спасение в духовной форме. Мы кинули клич, собрали группу родителей с усыновленными детьми, сделали кучу передач по радио и телевидению. Каждого ребенка из детдома мы выбивали с боем... Зато теперь достаточно нашего ходатайства и ребенка сразу отдадут на усыновление.”(Учитель, 35 лет)

Разновидностью идейного мотива является представление о специфическом женском предназначении, основанное на женских практиках заботы о слабых и милосердии, укорененных в российской традиции. Из интервью с руководительницей девичьего христианского приюта:

“Я чувствую, что в этой работе мое предназначение как женщины. Ведь женщина - это прежде всего мать, защитница слабых, заступница за обиженных. Я вижу, что Бог мне помогает.” (Педагог, 56 лет)

Мотив солидарности. Многие социологические исследования показывают, что человек испытывает потребность быть причастным к сообществам себе подобных (Ядов 1994). Кризисные условия заставляют человека стремиться к групповой защите, солидарности, поиску стабильности. Этот тезис подтверждается и в нашем исследовании. С одной стороны, коллективный характер общего дела оказывается привлекательным для женщин сам по себе. С другой стороны, совместная коллективная деятельность кажется наиболее эффективной в решении проблем. Этот мотив легко проследить при изучении историй вовлечения женщин в группу.

Солидарность как мотив участия типична для рядовых участников организации или для волонтеров. Исследование показало, что в организацию люди приходят через друзей, родственников и знакомых. Они идут туда целыми “компаниями”, объединенными общими проблемами. Представление о том, что проблемы можно решить сообща, очень сильно у большинства наших респондентов. Корпоративный дух, дух товарищества, взаимопомощи и понимания проявляется и в характере собраний женских объединений, досуговой деятельности, в том числе, проведении совместных праздников:

“Конечно, я могла бы работать в другом месте, а не работать с инвалидами, но я случайно попала в этот фонд, и теперь уже я не могу бросить этих людей, мне их жалко, хотя работать вместе с инвалидами тяжело и не очень выгодно.” (Инженер, 47 лет)

Солидарность, таким образом, является важным стимулом-мотивом участия в движении и в его отдельных акциях. Примером являются, в частности, движения самопомощи.

Материальный мотив. В ряде случаев стимулом - мотивом участия, является определенный вид материального вознаграждения. Такой мотив типичен для организаций-фондов. В качестве такого мотива-стимула может выступать получение рабочего места с соответствующей оплатой труда для неработающих женщин (участницы феминистских инициатив, деятельность которых финансово поддержана западными фондами; штатные должности в благотворительных фондах, работа которых оплачивается). Это типично для тех, кто работает на руководящих должностях в фондах, активистов, а не для рядовых участников.

Другим видом материального вознаграждения может быть получение гуманитарной помощи, различных льгот, предоставляемых общественным организациям, возможность поездок за границу.

“Когда я начала работать в этом фонде меня привлекало, во-первых, то, что нам говорили о возможности поехать в Англию, и то, что при распределении гуманитарной помощи нам разрешали какую-то часть брать себе. В то время для меня это было существенной помощью. (.) Теперь материальное положение моей семьи изменилось, и я уже не нуждаюсь в гуманитарной помощи. Но теперь у меня, благодаря фонду, установились контакты с американцами, и они пригласили меня в Америку. Может быть, мне удастся развить там мои контакты, и появится постоянная возможность бывать за границей.” (Учительница, 49 лет)

Мотив самореализации. Как показывает исследование, возможность самореализации выступает, как правило, не в качестве мотива, побуждающего к участию, а как мотив продолжения этой работы. Его можно проиллюстрировать историей, изложенной одной из респонденток.

Лидер одной из детских организаций, многодетная мать, имеющая больного ребенка, создала свою организацию для реабилитации больных детей. Работа в этой организации помогла ей решить проблему со своим ребенком, т.е. восстановить его здоровье. Таким образом, мотивом для начала общественной деятельности была абсолютная депривация, связанная с болезнью собственного ребенка. Однако, постепенно, благотворительная деятельность становится ее постоянной работой, и женщина продолжает заниматься ей *профессионально*. При этом работа в благотворительной организации значительно повышает социальный статус респондентки: до начала своей общественной деятельности она была швеей-мотористкой, а теперь она является президентом ассоциации и директором реабилитационного центра.

* * *

Таким образом исследование показало, что вовлечение в деятельность благотворительных организаций является для значительной части женщин способом решения стоящих перед ними проблем. Часть этих проблем носит личный характер (что особенно выражено у женщин, участвующих в профессиональных объединениях и группах самопомощи: многодетные матери, ассоциация женщин-предпринимателей). Для других участие в организациях решает психологическую проблему: самореализация, удовлетворенность деятельностью, преодоление комплекса одиночества и других вариантов психологического кризиса (кризис середины жизненного цикла, кризис гендерной идентичности безработных и “новых богатых”). Часть проблем имеет экономический характер: для штатных работников занятость в этих организациях является источником дохода и возможностью для профессионального роста.

Благотворительный сектор в России сегодня является новой сферой приложения женской активности. Он привлекателен для женщин и как способ самореализации, и как возможность создания новых рабочих мест, и как механизм решения разного рода проблем.

Литература

Водовозова Е. Н. 1987. На заре жизни. М. Художественная литература.

Воронина О. 1993. “Женщина и социализм: опыт феминистского исследователя”. В сб. “Феминизм: Восток, Запад, Россия”. С. 205-226.

Гогель С.К. 1913. Подготовка к благотворительности // Трудовая помощь. N4: 390-401.

Гордин Я. 1989. Мятеж реформаторов. Л. Лениздат.

Здравомыслова Е. 1992. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб. Наука.

Кайдаш С. 1993. О “женской культуре”. В сб.: Феминизм: Восток, Запад, Россия. 1993. Сс.183-204.

Пистольков О. 1910. Памяти княжны Марии Михайловны Дондуковой-Корсаковой // Трудовая помощь, N1: 1-18.

Поселянин Е. 1905. Русская церковь и русские подвижники XVIII века. Санкт-Петербург.

Римашевская Н.М. 1992. Женщина в меняющемся мире. М. Наука.

Фромм Э. 1995. Человеческая ситуация. М. Смысл.

Ядов В.А. 1994. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал, N1: 35-53.

Almedingen, E.M. 1964. An Unbroken Unity: A Memoir of Grand Duches Serge Of Russia, 1864-1918. London: Bodley Head.

Anheier, H. 1994. Civil Society as Associational Infrastructure: A Comparative Analysis. Mimeo.

Emmerich W. 1973. Socialization and Sex-Role Development. In: P.B. Baltes and E.W. Schaie (Eds.) Life-Span Developmental Psychology. Personality and Socialization. Pp. 123-144.

Liborakina M. 1995. Women's Voluntarism and Philanthropy in Russia: Building a Civil Society. International Fellows Program Center for the Study of Philanthropy Graduate School and University Center Information Center of the Independent Women's Forum City University of New York.

Maccoby E.E., Jacklin C.N. 1974. *The Psychology of Sex Differences*. Stanford.